

Б.С. Токмурзаев, Р.С. Тажитаева, А.А. Сирбаева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИМПЕРСКИХ ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ СТЕПНЫМ КРАЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В ЗАПИСКАХ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ И.Ф. БАБКОВА

На основе анализа воспоминаний И.Ф. Бабкова выявлены репрезентации имперских принципов управления Степным краем во второй половине XIX в. Обосновано, что привлечение мемуарных текстов участников колонизационного дела в Степном крае предоставляет шанс более полной реконструкции моделей организации имперского пространства на восточных окраинах страны и способствует выявлению сложного механизма взаимодействия акторов и субъектов колонизации: центральной и региональной бюрократии, представителей научных сообществ и общественных сил, социальных, этнических, конфессиональных групп региона.

Ключевые слова: мемуары И.Ф. Бабкова; колонизация; имперские принципы управления; источники личного происхождения; репрезентации; Степной край.

Участие Российского государства в освоении и «присвоении» территорий Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. является одним из знаковых сюжетов истории внутренней колонизации, предметно отразившей имперский опыт организации управления на восточных окраинах страны. Обсуждение имперских практик управления в Степном крае весьма объемно представлено в отечественной и зарубежной историографии, на современном этапе которой сложилось устойчивое мнение о регионе, как зоне активной коммуникации центральной и региональной бюрократии в условиях этнической, социальной, конфессиональной гетерогенности и нестабильности [1–4].

По констатации исследователей, в 1860–1870-х гг. в имперской политике России по отношению к территориям Степного края произошел отчетливый поворот от военно-политических действий к аграрному освоению, что сопровождалось формированием стратегий и разработкой проектов «оцентрирования» колонизируемых территорий. Очевидно, что изменившиеся условия колонизационного процесса повлекли за собой и определенные трансформации в области форм и методов имперской политики на восточных окраинах, благоприятным фоном реализации которой стали либеральные реформы и активное включение общества в обсуждение актуальных социально-политических тем. В исследуемый период происходило формирование общественно-политического дискурса колонизации окраин империи, в границах которого действующими агентами оказывались не только акторы власти, но и значительная часть образованного сегмента российского общества – переселенцы из европейских губерний России, казачество и коренное население. В текстах последних репрезентировалась широкая палитра представлений о причинах, ходе и перспективах государственной колонизации региона, вариантах урегулирования конфликтов между субъектами колонизации, что в значительной степени актуализировало и вопросы организации управления в новых социокультурных и политических обстоятельствах.

По определению Н.Н. Родигиной, рубеж XX–XXI вв. был отмечен всплеском исследовательского

интереса к изучению представлений о регионе интеллектуальной и политической элиты модернизированной империи и связан с актуализацией вопроса о так называемой второй реальности, истории коллективных представлений и социокультурном мифотворчестве [5. С. 41]. Важную роль в организации исследований стало выполнять обращение к дискурсивным практикам эпохи, связанным с особенностями формирования «имперской ситуации» в условиях освоения восточных окраин России. Соглашаясь с мнением о том, что дискурс – это корпус содержательно согласованных в коммуникативном пространстве текстов [6. С. 166], отметим, что на фоне аграрного освоения степных территорий Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. наиболее рельефно отразилось соперничество дискурсов; их интеллектуальное поле структурировалось как противоборство проектов инкорпорации региона в общеимперский конструкт, где властный и общественный дискурсы репрезентировали диаметрально противоположные варианты «присвоения» пространства, ставшего объектом реализации имперских интересов.

В данном отношении особую актуальность приобретает обращение к репрезентациям имперских принципов управления окраинами страны в источниках личного происхождения, статус которых в научных исследованиях долгие годы позиционировался как периферийный, а абсолютный приоритет оставался за нормативно-правовыми актами и материалами официального делопроизводства. По справедливой констатации М.Ф. Румянцевой, «в последнее время явно актуализировалась тенденция к иллюзорной “достоверности” и “объективности” исторического знания, достигаемых путем так называемой “критики исторических источников”» [7. С. 235]. В этом плане голоса непосредственных участников колонизационного процесса, общественных деятелей, выполнявших в той или иной мере функции имперских экспертов, отодвигались на дальний план, не вписываясь в часто навязываемую историографической традицией сюжетную канву. Между тем личные тексты, представляют исследователю, как полагал М. Фуко, возможность восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры и между строчками, и

потом раздвигает их» [8. С. 28], и тем самым принять непосредственное участие в конструировании исторического события.

Исходя из сказанного, цель статьи заключается в раскрытии содержания репрезентаций имперских принципов управления в Степном крае, представленных в воспоминаниях генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова.

Фигура И.Ф. Бабкова вызвала у исследовательского коллектива живой интерес, в том числе и потому, что свидетельства этого персонажа могут в известной степени опровергнуть тривиальные претензии историков-позитивистов по поводу предвзятости и необъективной оценки событий в источниках личного происхождения, а именно в воспоминаниях их непосредственных участников. Добавим, что в отличие от многих мемуаристов, в чьих текстах также содержатся сведения о широкой палитре вопросов колонизации Степного края, личность И.Ф. Бабкова является знаковой: он в равной степени может быть причислен как к государственным чиновникам (военный губернатор Семипалатинской области), так и ученым (географ) и общественным деятелям (председатель Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества – ЗСОИРГО). Выполняя чиновные, военные, научные и общественные функции, генерал от инфантерии И.Ф. Бабков принадлежал к разряду тех имперских экспертов, которые досконально знали и ориентировались в сложных обстоятельствах колонизационного процесса, были вхожи как в кабинеты высшего государственного истеблишмента России, так и в сообщество либерально настроенной интеллигенции, что значительно повышает статус и научную значимость его размышлений об имперском характере управления Степным краем. Прослужив в Сибири более тридцати лет (1857–1890 гг.) и занимая различные государственные должности, И.Ф. Бабков имел все условия для всестороннего изучения Западной Сибири и Степного края, что оказалось зафиксировано в его многочисленных публикациях и отчетах ИРГО. Он являлся действительным членом Императорского русского географического общества с 1860 г., а в 1877 г. занял должность председателя только что образованного Западно-Сибирского отдела ИРГО. Выйдя в 1890 г. в отставку и поселившись в Крыму (г. Феодосия), И.Ф. Бабков приступил к написанию воспоминаний о своей службе, которые не успел закончить из-за своей смерти в 1905 г., доведя хронологию событий до 1875 г.

Важной исходной составляющей воспоминаний генерала И.Ф. Бабкова является оценка им контекстуальных условий его государственной службы и общественной деятельности, что позволяет составить общее представление об имперском характере управления окраинами в середине и второй половине XIX столетия. В авторском предисловии И.Ф. Бабков, подводя итоги своей многолетней карьере, косвенно свидетельствует о личностной модели генерал-губернаторской власти в Западной Сибири и сопредельных регионах, что, несомненно, являлось неотъемлемым признаком имперского регионального управления и придавало «дискретный характер пра-

вительственному курсу в отношении той или иной окраины... когда смена персонажей на генерал-губернаторском посту нередко определяла направление правительственных мероприятий...» [9. С. 116]. В этой связи И.Ф. Бабков в своих воспоминаниях говорит о шести генерал-губернаторах, с которыми ему довелось работать, особый акцент делая на разнообразии их характеров и взглядов на одно и то же дело [10. С. 10].

Отметим весьма эмоциональную реакцию автора воспоминаний на этнический и конфессиональный состав административного корпуса генерал-губернаторства. И.Ф. Бабков с изрядной долей скепсиса и иронии сообщал о принадлежности высшей бюрократии Сибири и Степного края к «иностранным народностям и иноверцам» [10. С. 6], приводя длинный список немцев и шведов-лютеран, поляков и литовцев, составлявших основу региональной администрации. Сетую по поводу отсутствия в органах управления людей с русскими фамилиями, генерал сопроводил свои ощущения словами популярной ксенофобской песни: «Чем я запад огорчила (петь приходится Руси). Али тем, что так любила, что и Боже упаси! Родилась я с добрым сердцем, вот в чем горе все мое; у меня ли всяким шмерцам не раздольное житье? О германцах уж ни слова: им все льготы и почет; им рожна еще какого на Руси не достает, денег им я сыплю груды, на награды не скуплюсь, и куда не глянь, повсюду или немец иль кракус» [10. С. 7].

Подобная позиция автора в полной мере соответствовала национал-патриотической риторике, основанной которой были заложены в середине XIX в. консервативными изданиями М.Н. Каткова (Московские ведомости, Русский вестник), активно проповедовавшими антисепаратистские настроения и русификаторские идеи в деле колонизации окраин. Практики доминирования и принуждения в колонизационном освоении восточных окраин в указанный период становились руководством к действию для правительственных чиновников центрального и регионального уровня, весьма своеобразно преломляясь в сознании людей военных профессий, стабильно сервильных власти.

Националистские эскапады И.Ф. Бабкова имели непосредственный выход на дискурс об основных субъектах колонизации, формировавшийся в 1860–1870-е гг., в котором центральное место занимала «тема казачества» и колонизационных возможностей военного сословия. Посвятив значительную часть материалов второй главы очерку о положении дел на юго-востоке казахской степи в период 1840-х – начала 1860-х гг., обращая внимание на долгосрочность и кровопролитный характер завоевания империей территорий Большой и Дикокаменной Орды, И.Ф. Бабков посчитал необходимым подчеркнуть особое значение казачьей колонизации степных пространств. Формальным поводом для включения казачьей проблематики в канву воспоминаний стало частное высказывание начальника Зачуйской экспедиции, полковника А.Э. Циммермана, в котором тот с крайним презрением отозвался о боевых качествах сибирских казаков [10. С. 24]. Между тем в процессе колонизации Степ-

ного края имперские власти продолжительный период рассматривали казачество в качестве главного актора поддержания стабильности и безопасности в регионе. И.Ф. Бабков, как и ряд других имперских экспертов, в частности Ф. Усов [11. С. 176], указывал в своих мемуарах на тот факт, что сибирское казачество, подобно Донскому и Яицкому, не было самобытным продуктом земской колонизации окраин, а являлось производным правительственных инициатив и усилий [10. С. 26]. По мнению И.Ф. Бабкова, до конца 1850-х гг. сибирское казачество представляло собой грозную боевую силу, однако тесный контакт с коренным населением, привлечение в казачество представителей крестьянства, переход к оседлому земледелию, а также отсутствие регулярного опыта военных действий постепенно приводили к утрате сословием колонизаторских функций. Гневные реплики современников о предрасудительных наклонностях казачества и ведении праздного образа жизни И.Ф. Бабков объяснял изменившимся характером службы сибирских казаков и новыми нормативными актами 1861 г., ограничивавшими отпуск казачеству казенного провианта [10. С. 31]. С точки зрения генерала, неспособность казачества к интеграции в новые условия экономической жизни Степного края объясняется широким спектром причин, в том числе отсутствием благоприятных для ведения земледелия природных и ландшафтных условий, а также постоянным сокращением военных конфликтов с автохтонным населением. В этой связи И.Ф. Бабков репрезентирует в своих мемуарах типично имперский подход к внутренней колонизации, указывая на позитивную культуртрегерскую функцию казачества, содействовавшего «...проведению в среду кочевых обитателей русских идей и воззрений» [10. С. 34].

Опыт трансляции имперских практик управления в Западной Сибири и Степном крае предметно рефлексировался И.Ф. Бабковым в разделах воспоминаний, посвященных оценке деятельности генерал-губернатора Г.Х. Гасфорда (1850–1861). Автор особо подчеркивает специфический статус регионов Зауралья в составе Российской империи, акцентируя внимание не только на отдаленности территорий от основного ядра государства, но и их своеобразной «отдельности», что формировало весьма вычурную, часто спонтанную систему колонизационных мероприятий. По логике рассуждений И.Ф. Бабкова, интеграция Сибири, в частности казахских степей в состав российского государственного «тела», носила сложный и многоступенчатый характер, зависела от личных качеств и понимания ситуации региональным чиновничеством. Здесь следует оговориться, что решения, принимаемые высшей сибирской администрацией по тем или иным вопросам управления краем, исходили от людей военных (генерал-губернаторы), прошедших имперскую управленческую школу в России, что в конечном итоге соотносилось с пониманием цели и задач колонизации правительством, побуждало закрывать глаза на методы внедрения управленческих практик и откровенные провалы в их реализации. И.Ф. Бабков, характеризуя модель административного управления, сложившуюся при Г.Х. Гасфорде, обращает внимание на то, что генерал-губернатор,

зная о неопределенности и рассогласованности финансовой политики ведомств, а также затруднениях, связанных с участием России в Крымской войне, часто предпочитал изыскивать денежные средства из местных источников, покрывая расходы за счет банковских процентов. С одной стороны, подобное положение вполне устраивало центральную бюрократию, освобожденную от финансовых хлопот, с другой – имперские власти, получая из надежных источников сведения о спекуляциях высшей региональной администрации, активно их использовали как средство давления, контроля и утверждения субординации. И.Ф. Бабков дает подробное описание конфликта между Гасфордом и военным министром Н.О. Сухожанетом, составившем особое предписание в связи с незначительным просчетом генерал-губернатора при разработке плана строительства Омского военного госпиталя, по всей вероятности столь резкое, что приближенные не решились об этом доложить [10. С. 44].

И все-таки самодержавная власть, обладавшая трехвековым опытом управления восточными окраинами, умело расставляла приоритеты, выдвигая на первый план решение глобальных, сугубо имперских задач. Не придавая серьезного значения последствиям фантастических планов Г.Х. Гасфорда об учреждении «срединной» религии, частичная реализация которых способствовала утверждению мусульманства в кочевнической среде именно вдоль линии русских поселений, власти всячески поддерживали военно-экспедиционные мероприятия губернатора в Средней и Центральной Азии (завоевание Заилийского края), что, по словам И.Ф. Бабкова, «доставило нам возможность установить прочную границу... с Китаем. Придвинувшись к некогда загадочной Кашгарии... мы сразу становились фронтом к Индии» [10. С. 305].

Одним из ключевых вопросов, поставленных И.Ф. Бабковым на страницах воспоминаний, стал вопрос об организации управления коренным населением Степного края. Стоит сказать, что автор, работая над соответствующим разделом своих мемуаров, вполне отдавал себе отчет в том, что с появлением русского населения в регионе началась кардинальная ломка системы социальных и экономических отношений, и это не могло не оказать влияния на организацию кочевого общества, характер взаимоотношений индигенных народов с пришлыми группами. Погружение в текст главы, посвященной административным преобразованиям в степных областях, позволяет утверждать, что автор был хорошо знаком с содержанием российского общественно-политического дискурса, в центре которого, по определению В. Тольца, располагался «собственный Восток России» [12]. Распространение в Европе, частью которой являлась и Российская империя, идей социал-дарвинизма и ориентализма придавало особый «привкус» обсуждению проблем интеграции коренных народов окраин в российский социум. Господствовавшие в консервативном сегменте дискурса эволюционистские подходы провозглашали идеи примитивности кочевых цивилизаций, для которых скотоводческая экономика являлась естественной формой жизни, тогда как земледелие не играло серьезной роли в организации

степного хозяйства. Либеральная интеллигенция в лице представителей сибирского областничества придерживалась противоположной позиции. Г.Н. Потанин, который в 1863–1864 гг. участвовал в экспедиции на Зайсан и в Тарбагатай, познакомившись с кочевыми народами и их культурой, пришел к выводу о том, что к практикам земледелия у казахов, несмотря на его спорадический характер, нужно относиться как к законному экономическому факту [13. С. 29]. Говоря о степном хозяйстве, Г.Н. Потанин подчеркивал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что киргизская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство; это общее мнение вызвало поощрение со стороны правительства киргизскому скотоводству; степь была разделена на две неравные части. Степь Оренбургского ведомства и западная половина степи Сибирского ведомства предназначены были к исключительному развитию скотоводства; каждое лето при приказах (т.е. окружных управлениях киргизов) устраивались скачки, на которых раздавались призы; напротив, киргизское земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян, и потому придумывались меры ослабить стремление киргизов к земледелию. Только в восточной половине степи Сибирского ведомства, в которой и теперь уже более половины кочевого населения занимается земледелием, последнему предоставлялось свободное развитие. «Теперь, – писал Г.Н. Потанин, – очень мало остается поборников этой политики. Хотя нельзя назвать степь страной, благоприятной для земледелия, но все же нельзя и отказать ей совершенно в условиях, необходимых для земледелия» [14. С. 331]. В данной связи И.Ф. Бабков на страницах своей работы фиксирует не только разногласия мнений региональных администраторов по вопросу включенности автохтонов в земледельческий труд, но и констатирует отсутствие единства управления всем степным регионом, населенным одной народностью [10. С. 311]. По мнению мемуариста, генерал-губернаторы, сменяя друг друга, не только не старались поддерживать и проводить реформы, начатые их предшественниками, но действовали в совершенно противоположном духе, руководствуясь своими личными соображениями и взглядами [10. С. 312].

Подходы и практики имперского управления Степным краем нашли отражение в мемуарах И.Ф. Бабкова в части досконального анализа нормативно-правовых основ регулирования социального статуса, хозяйственной деятельности и быта кочевого населения в 1865 г. (создание Степной комиссии) – 1868 г. (принятие Степного положения). Необходимо отметить резко критический подход автора к оценке результатов действий Степной комиссии, основные выводы которой легли в основу Степного положения. Из острых размышлений И.Ф. Бабкова можно четко вычленил типичные для практик имперской организации колонизируемого пространства действия: категорическое нежелание центральной власти привлекать местную администрацию к обсуждению реформаторских проектов, выборочный и формальный характер

экспертизы степных территорий, активное стремление к ликвидации традиционных институтов власти у кочевников, в частности, родового начала организации обществ коренного населения [10. С. 321–25]. В порядке общих выводов И.Ф. Бабков, характеризуя новое административное устройство Степного края, проектированное Степной комиссией, констатировал, что оно подорвало значение родового начала, вызвало искусственное административное деление волостей, ввело чуждое коренным обитателям выборное начало и разрушило великий фактор народной жизни казахов – их обычный суд [10. С. 325].

Вместе с тем И.Ф. Бабков отметил и ряд важных изменений, сопровождавших реформы «сверху», что свидетельствовало о формировании такого нового качества имперских действий на окраинах, как пластичность, готовность идти на компромиссы с общественными силами. Известно, что в состав Степной комиссии, ставившей целью разработку окончательного варианта «Положения об управлении Степным краем», входили не только представители правительственной бюрократии, но и общественные деятели, такие как Ч. Валиханов, А. Левшин, М. Черманов. По свидетельству И.Ф. Бабкова, Муса Черманов (Шорманов), служивший в должности советника при Западно-Сибирском генерал-губернаторе, неоднократно выступал с критическими замечаниями по вопросам образования одноплеменцев, настаивая на необходимости частичного сохранения традиционных институтов власти у кочевников [10. С. 326, 328].

В мемуарах И.Ф. Бабкова проблемы управления автохтонным населением оказались тесно увязаны с еще одним важным вопросом, решение которого наиболее четко демонстрировало имперские принципы организации управления Степным краем во второй половине XIX в. В центре внимания автора – землевание кочевого населения в связи с усилившимся переселенческим движением в Степной край крестьянства из европейских губерний России. Примечательно, что И.Ф. Бабков в своих суждениях по означенной проблеме значительно расширил хронологические рамки воспоминаний, выдвинув их за границы своей административной службы, упоминая и 1890-е гг. – время строительства Транссибирской магистрали и массовых переселений на восток империи. По всей видимости, интерес к означенной теме у него начал формироваться в период «общественный», когда он, уйдя в отставку, активно включился в работу ЗСОИРГО, став его председателем.

Отметим, что И.Ф. Бабков, подводя предварительные итоги имперской колонизационной работы в данном направлении, особое внимание уделяет координационной деятельности центральной и региональной бюрократии в сфере урегулирования статуса трех акторов колонизации Степного края: российских переселенцев, автохтонов и казачества. Согласно его трактовке, в 1870–1880-х гг. в связи с ростом миграционного потока в регион произошли важные трансформации именно в проектной сфере освоения региона. Понимание И.Ф. Бабковым сложившейся ситуации, разумеется, испытывало на себе влияние тех установок, которые настойчиво транслировались в консерва-

тивной публицистике, во многом отражавшей имперскую точку зрения на колонизационный процесс. В этот период широкую огласку получил национал-консервативный проект «большой русской нации» М.Н. Каткова, частью которого являлось убеждение, что основной переселенческий поток должен направляться в те районы, где требуется усиление «русского элемента» [15. 17 мая 1881 г.]. Внимательное прочтение данного раздела воспоминаний И.Ф. Бабкова позволяет сделать вывод, сообразно с которым для имперской политики в текущих обстоятельствах было в целом характерно стремление к реализации практик культуртрегерства, а значение переселений в Степной край российских землепашцев считалось первоочередной задачей. Однако центральные власти, действуя в данном направлении, не могли не прислушиваться к широкому кругу мнений, исходящих от имперских экспертов – представителей региональной администрации, военных, общественных и научных деятелей. Так, например, И.Ф. Бабков, на страницах мемуаров, заочно полемизирует с А.К. Гейнсом, соглашаясь с ним в вопросе о необходимости «обрусения» степи, но ожесточенно споря о методах распространения русского влияния в регионе. А.К. Гейнс, констатируя несостоятельность казачества в земледельческом освоении Степного края, акцентировал внимание на необходимости использования хозяйственных навыков и опыта переселенцев. По мнению И.Ф. Бабкова, колонизация Степного края и интеграция в сословную ткань русского общества коренных народов могли быть осуществлены только при условии широкой программы правительственных действий, в том числе и в образовательной сфере [10. С. 344].

Таким образом, опираясь на материалы источников личного происхождения, в частности мемуары

непосредственных участников событий на восточных окраинах России во второй половине XIX столетия, таких как генерал от инфантерии И.Ф. Бабков, была реализована возможность уточнения подходов имперской власти к организации управления Степным краем в период изменения колонизационной парадигмы, когда задачи военного завоевания этих территорий постепенно вытеснялись программами мирного освоения и интеграции региона в общеимперское пространство.

В отличие от материалов официального делопроизводства и нормативно-правового характера, изложение колонизационной ситуации в воспоминаниях И.Ф. Бабкова, в равной степени представлявшего российское чиновничество и общественные силы империи, позволяет обнаружить сложную систему взаимодействия центральных и региональных властей, имперской бюрократии и местных сообществ, социальных и этнических групп Степного края в контексте имперского управления на восточных окраинах. Обращение к тексту мемуаров дает право утверждать, что имперские принципы управления степными территориями, в основе которых располагались практики доминирования и принуждения, серьезно корректировались в продолжение второй половины XIX в., что свидетельствовало о лабильности и пластичности имперской политики на окраинах. В условиях отдаленности и известной обособленности Степного края от центра страны имперские власти вынуждены были вникать в «извивы» общественно-политического дискурса по инородческому, казачьему и переселенческому вопросам, учитывать понимание задач колонизации региональной администрации, суммировать эти подходы в процессе их дальнейшего воплощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – начала XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества : материалы междунар. науч. конф. к 75-летию Л.М. Горюшкина. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2002. С. 105–108.
2. Ремнёв А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков / под общ. ред. Н.Г. Суворовой. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 580 с.
3. Чуркин М.К. Репрезентации стратегий и практик образовательной политики России на восточных окраинах империи в национал-консервативных и либеральных периодических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. // История. 2019. Вып. 8 (82). Т. 10: Феномен формирования континентальной империи на евразийском пространстве: опыт урало-поволжских и центрально-азиатских территорий. DOI: 10.18254/S207987840006043-6
4. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2019. 261 с.
5. Родигина Н.Н. «Другая Россия» : образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
6. Денисов Ю.П. Категория «дискурс» в историческом познании // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы : сб. науч. тр. М., 2012. С. 165–182.
7. Румянцева М.Ф. Источниковедение vs источниковедение в краеведении и новой локальной истории // Новая локальная история : По следам интернет-конференций. 2007–2014. Ставрополь, 2014. С. 235–237.
8. Фуко М. Археология знаний. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.
9. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М. : НЛЮ, 2007. 368 с.
10. Бабков И.Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 г. СПб. : Тип. С.Ф. Киршбаума, 1912. 521 с.
11. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. 243 с.
12. Тольц В. Собственный Восток России: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М. : НЛЮ, 2013. 336 с.
13. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири : Опыт осмысления личности. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.
14. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : [в 12 т.] / под общ. ред. П.П. Семенова. СПб. ; М. : Издание товарищества М.О. Вольф, 1881–1901. Т. 11. С. 331–348.
15. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1877–1884 гг. / М.Н. Катков. М. : Издание С.П. Катковой, 1897–1898. 671 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2021 г.

Representation of the Imperial Principles of Governing the Steppe Territory in the Second Half of the 19th Century in the Notes of the General of the Infantry Ivan Babkov

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 204–209.

DOI: 10.17223/15617793/469/27

Bakyt S. Tokmurzayev, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakhstan). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

Raya S. Tazhitayeva, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakhstan). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

Almagul A. Sirbayeva, Syrdariya University (Zhetisay, Kazakhstan). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

Keywords: memoirs of Ivan Babkov; colonization; imperial governing principles; sources of personal origin; representation; Steppe Territory.

The second half of the 19th century was the time when the formation of the common space of the Russian Empire, the final accession of the Eastern suburbs, the social, political, cultural integration of remote areas in the state space was completed. In the studied period, the main migration flows went from the European part of Russia to the weakly utilized agricultural lands of the Steppe Territory, which in practice was accompanied by fundamental changes in the colonization program of the Russian state. Having solved the tasks of the military-political consolidation of the border of the Steppe Territory, the tsarist government began a systematic integration of indigenous population into the social structure of Russian society. Reconstruction of this process is productive when drawing on a wide range of sources, in particular, evidence of the direct participants of the colonization, representatives of the Russian bureaucracy, servicemen, major leaders of social movements. General of Infantry I.F. Babkov, who left memories of his service in Western Siberia and the Steppe Territory, was an expert in these areas: for many years, he was a government official and combined this work with scientific and social practices. His memoirs present the most detailed and analyzed information about the participation of the central and regional authorities in the organization of governing in the Steppe Territory during the transition period when the migration activity of the peasantry increased, and there arose the issue of taking administrative measures for the normalization of relations between the main actors of colonization in the region: Russian resettlers, indigenous peoples, and the Cossacks. The value and representativeness of Babkov's memoirs is determined by two components. Firstly, official and legal documents are often not able to convey all the nuances of the imperial policy in the Eastern outskirts, the content of the discourse of power and society, the emotional response of the bureaucracy to the process, which actualizes the importance of referring to personal testimony. Secondly, Babkov's reflections about a wide range of resettlement issues allow distinguishing the imperial component, identifying patterns of communication and decision-making in the changing geography of power.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. (2002) ["Siberian aliens" in the imperial strategy of power in the 18th – early 20th centuries]. *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obshchestva* [Siberia at the stage of formation of an industrial society]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk: Institute of History SB RAS. pp. 105–108. (In Russian).
2. Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vekov* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
3. Churkin, M.K. (2019) Representations of the Strategies and Practices of Educational Policy of Russia on the Eastern Outskirts of the Empire in the National-Conservative and Liberal Periodicals of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Istoriya*. 8 (82):10. DOI: 10.18254/S207987840006043-6
4. Churkin, M.K. & Tokmurzaev, B.S. (2019) *Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya: obshchestvenno-politicheskiy diskurs i imperskie praktiki vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Agrarian colonization of the Steppe Territory: sociopolitical discourse and imperial practices of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
5. Rodigina, N.N. (2006) "Drugaya Rossiya": obraz Sibiri v russkoy zhurnal'noy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka ["Another Russia": the image of Siberia in the Russian magazine press of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
6. Denisov, Yu.P. (2012) Kategoriya "diskurs" v istoricheskom poznanii [Category "discourse" in historical knowledge]. In: Repina, L.P. (ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya: teorii, metody, perspektivy* [Historical science today: theories, methods, prospects]. Moscow: URSS. pp. 165–182.
7. Rumyantseva, M.F. (2014) Istochnikovedenie vs istochnikovedenie v kraevedenii i novoy lokal'noy istorii [Source study vs source study in local history and new local history]. In: *Novaya lokal'naya istoriya: Po sledam internet-konferentsiy. 2007–2014* [New local history: Following Internet conferences]. Stavropol: [s.n.]. pp. 235–237.
8. Foucault, M. (1996) *Arkheologiya znaniy* [The archeology of knowledge]. Translated from French. Kyiv: Nika-Tsentr.
9. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: NLO.
10. Babkov, I.F. (1912) *Vospominaniya o moey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri. 1859–1875 g.* [Memories of my service in Western Siberia. 1859–1875]. Saint Petersburg: Tip. S.F. Kirshbauma.
11. Usov, F. (1879) *Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voyska* [Statistical description of the Siberian Cossack Army]. Saint Petersburg: [s.n.].
12. Tol'ts, V. (2013) *Sobstvennyy Vostok Rossii: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskiy i rannesovetskiy period* [Russia's Own East: Identity Policy and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Period]. Moscow: NLO.
13. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, The Last Encyclopedist of Siberia: An Experience of Understanding the Personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
14. Potanin, G.N. (1881–1901) *Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri* [The conquest and colonization of Siberia]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashе v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii: [v 12 t.]* [Picturesque Russia. Our Homeland in its land, historical, tribal, economic, and everyday meaning: [in 12 volumes]]. Vol. 11. Saint Petersburg; Moscow: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f. pp. 331–348.
15. Katkov, M.N. (1897–1898) *Sobranie peredovykh statey Moskovskikh vedomostey. 1877–1884 gg.* [Collection of leading articles of Moskovskie Vedomosti. 1877–1884]. Moscow: Izdanie S.P. Katkovoy.

Received: 11 February 2021